

Наш паровоз, красные эскадроны, красный караван устремились к неведомому и грозному будущему. В этом порыве целого народа, более того — всего мира, было столько величавой поэзии, что она захватила многих и многих стихотворцев.

Революция пришла после долгих лет войны, для Венгрии к тому же проигранной. Революция означала мир.

Революция отдала заводы рабочим, несказанно возвеличила класс пролетариев. Золтан Шомьо писал:

А знаете ли вы, кто он таков —
Тот, в чьих устах стал громом стон веков,
Чьи руки превращают грязь в алмаз?
Вот он и есть рабочий класс...
...Пусть бури еще треплют белый свет —
Одно священно: тирании нет!
Ее разбил вожак народных масс —
Вот он и есть рабочий класс.

(Перевод В. Корчагина)

А для венгерских крестьян Март отобранный землю у помещиков, у владельца двухсот тысяч гектаров герцога Эстергази, был прямым продолжением дела Дьердя Дожи — венгерского Разина, венгерского Пугачева. Освобождение пришло для всех. Этим и объясняется грандиозность мажора мартовской поэзии.

26 лет спустя, в 1945 году, мне пришлось наблюдать демонстрацию венгерских рабочих, впервые свободно праздновавших годовщину своего Марта. Они вынимали из сундуков праздничные костюмы, пролежавшие в нафталине более четверти века. Большим и светлым праздником был Март и для народа и для поэтов.

Времени было мало. Счет шел на недели, потом на дни. Язык новой поэзии вырабатывался позднее — в подполье, в тюрьмах, в эмиграции. Покуда новых слов было еще мало, для санкционирования, одобрения, благословения происходящего пригодились старые слова.

Еще до Октября, летом 1917 года, Арпад Пастор писал:

Пришел второй Христос. Сейчас он
с нами, рядом,
Его измерить мы не можем взглядом
И шепчем лишь в священном умиленьи:
Ленин! Ленин!

(Перевод В. Корнилова)

Разве не тот же Христос «в белом венчике из роз» благословлял поход блоковских Двенадцати? И сомнительным верующим — Белому, Есенину и бесспорному безбожнику Маяковскому — грандиозные образы обоих Заветов понадобились в какое-то мгновение для того, чтобы сказать свое «Да!», свое «Хорошо!» революции. Для этого же понадобились они и венгерским поэтам.

С тех пор как Михайлов более ста лет назад начал переводить Петёфи, линия связи между нашими поэзиями не прерывается. Рецензируемое издание подготовлено трудами многих поэтов.

Эндре Ади, не дождавшийся Марта, умерший за несколько недель до него, но тем не менее воспитавший целое поколение революционной интеллигенции, представлен образцовыми переводами Мартынова и Тихо-

нова. Другой крупнейший поэт, Аттила Йожеф, — переводами Мартынова, Самоилова и Левика. Большой отрывок из поэмы Дюлы Ййеша выполнен патриархом нашей школы поэтического перевода — Михаилом Зенкевичем.

Мощная революционная поэзия венгерской эмиграции, много лет работавшая бок о бок с московскими поэтами и много сделавшая для взаимопроникновения обеих литератур, представлена переводами Корнилова, Коржавина, Горской, Николая Чуковского, Нейштадта, Миримского.

Антологии удаются, когда их предваряют многие монографические книги. Составителю О. Россиянову удалось создать книгу, страницы которой дышат историей и поэзией.

Венгры много сделали для издания и пропаганды поэзии советских народов. «Март 1919» — наша благодарность венгерским поэтам.

БОРИС СЛУЦКИЙ

ГОЛОСА ВАГАНТОВ

Лирика вагантов в переводах Льва Гинзбурга. М., «Художественная литература», 1970. 191 стр.

В чарующей французской песенке XIII века об Окассене и Николетте рассказывается о молодом рыцаре из знатного рода, полюбившем простую девушку-пленницу. И тщетно пугают Окассена, что он будет гореть на адском пламени, если не откажется от Николетты. Окассен не боится ада, сколь страшным он бы ни представлялся в традиционном воображении средневекового человека. Сказки о рае и аде не для таких отважных и пылких умов. «А я хочу попасть в ад, — говорит Окассен, — потому что там и пытливые ученые, и доблестные рыцари, павшие на турнирах и в грозных сечах, и храбрые воины, и благородные люди...»

Как бы ни был узок и условен мир средневековья с его ограниченными космографическими и религиозно-аскетическими понятиями, все же на протяжении столетий не замирала струя жизнелюбия, жажды земных радостей и бесконечного расширения человеческого знания. Мертвая схоластика, проповедь умерщвления плоти как бы ледяным панцирем сковывали реку жизни, но она где-то внутри неугомонно бурлила под своим покровом, порой вырываясь наружу. И поэтому нельзя односторонне представлять средневековье как сплошной мир грубой силы и кулака, черствого эгоизма и оцепенелого равнодушия социальных низов, веривших, что войны, мор, эпидемии, жестокие расправы рыцарей — лишь божья кара за грехи. Часто из глубины этого темного «земного ада» слышались мужественные молодые голоса, резко осуждавшие пороки и несовершенство жизни. Кто были они, эти искатели какой-то своей правды, не знавшие

к ней путей? Их звали бродягами, вагантами (по-латыни — *vagantes, vagi*). По пыльным дорогам средневековой Европы шли они в одиночку и толпами, ища прибежища в жизни. Пестрым был их состав, противоречивы стремления, надежды и поиски. Первыми вагантами были клирики, оставившие свою церковь в надежде на лучшее местечко или обиженные высшим духовенством. Суровые меры, предпринятые соборами начиная с V и VI веков, не могли пресечь существование таких «акефальных» клириков. В их среде рождались антиклерикальные, вольнодумные песни и сатирические рассказы, уличавшие служителей церкви во многих смертных грехах. Распри антипап, честолюбие, низкие страсти кардиналов и прелатов, наглость монахов «нищенствующих орденов»; торговля индульгенциями или выгодными церковными должностями (симония) — все становилось сатирической мишенью для клириков-вагантов. Позднее (с IX—XII веков) в беспокойную массу вагантов вливаются школяры и студенты, бродяжничающие из страны в страну, от университета к университету. Молодые, горячие умы протестовали против узости теологической науки и формальной логики как способа ее изложения. Наряду с антицерковными мотивами возникают и другие — лирические, элегические, пародийные. Эта поэзия — непосредственная, простовато-грубоватая — отражала мысли и настроения людей, не связанных с преклонением перед авторитетом церкви. Читая сборники лирики вагантов (особенно «*Satirna vagana*»), удивляешься богатству образов и жанров. Тут и жалобные раздумья наивного юноши, попавшего в тенета лжи и обмана, и озорные песни, и гневные инвективы на алчность священников и купцов, и пародийные гимны, и призыв к раскрепощению духа и плоти.

Трудно даже классифицировать эту своеобразную поэзию, порожденную избытком духовных сил, kloкочущих в юных сердцах.

Конечно, мятущиеся поэты-бродяги, и одаренные, и посредственные, находились в самой гуще жизни и не могли не видеть страданий, надежд и чаяний простых людей, с которыми они общались в харчевнях и

тавернах, на рынках и ярмарках. в дни карнавалов и шествий и горячую пору деревенской страды.

Несомненно, поэт-переводчик Л. Гинзбурга, острого писателя-публициста, привлёк демократический дух лирики вагантов, ее «плебейский», простонародный характер. Можно смело сказать, что в работе Л. Гинзбурга-переводчика вообще преобладает именно это начало. Мог ли без ясного чувства историчности возникнуть под его пером воссозданный «Лагерь Валленштейна» Шиллера, существовавший до сих пор в бесцветных, запыленных временах русских переводах? А вот мы узнали какого-то нового, страстного, молодого Шиллера («Мужицкая серенада» и «Вытрезвление Бахуса»), связанного не только с движением «Бури и натиска», но и с немецким народным творчеством. В переводах Л. Гинзбурга явлением русской поэзии стали и немецкие народные баллады, и поэзия Тридцатилетней войны (сборник «Слово скорби и утешения»). В этих работах выявился индивидуальный почерк переводчика, определился его вкус ко всему подлинно живому, демократическому, часто порожденному драматизмом событий в истории немецкого народа.

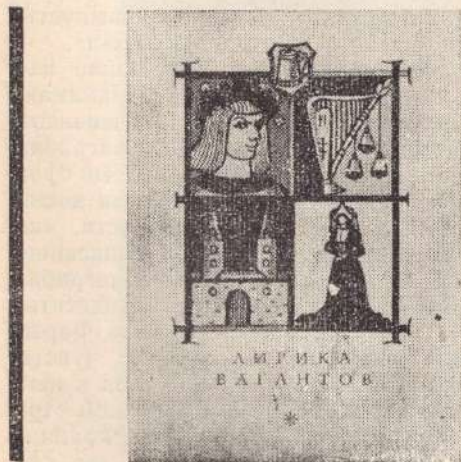
Раскроем «Лирику вагантов», и с первым же стихотворением мы войдем в оригинальный и заманчивый мир средневековых бродячих певцов:

«Эй, — раздался светлый зов, —
началось веселье!
Поп, забудь про часослов!
Прочь, монах, из кельи!»
Сам профессор, как школяр,
выбежал из класса,
ощутив священный жар
сладостного часа.
Будет ныне учрежден
наш союз вагантов
для людей любых племен,
званий и талантов.
Все — храбрец ты или трус,
олух или гений —
принимаются в союз
без ограничений.

Разумеется, никакого ордена вагантов не существовало, это как бы пародия на уставы монашеских орденов. Но сколько здесь бесшабашного веселья, полемического задора и желаний, позабыв темную аудиторию университета или монашескую келью, отдаться наслаждению быстробегущей жизни. Не только эта, но и другие песни вагантов, вошедшие в сборник, как бы предвосхищают поэтическую декларацию Возрождения, сочиненную Лоренцо Медичи:

О, как молодость прекрасна,
Но мгновенна! Пой же, смейся,
Счастлив будь, кто счастья хочет,
И на завтра не надейся.

Что сулит это «завтра» бедным школярам, «мученикам науки»? Десять лет скитаний по университетам, годы долгой зубрежки и хмельных пирушек, невинных плутней в поисках куска хлеба и случайных любовных походов.

Плачет швабский юноша, расставаясь с родным краем, мерзнет от холода нищий студент, добродетельная девушка сетует на обманщика, юноша воспекает «кабацкое житье». Воскресают в песне образы седой старины. Шутка мгновенно превращается в горькую иронию над самим собой, серьезный, полный символического значения миф об Орфее и Еврипиде приобретает пародийный отсвет, «спор между Вакхом и пивом» становится смелой издевкой над схоластическими церковными диспутами. В небольшом сборнике лирика вагантов предстает перед русским читателем впервые в таком разнообразном, ярком виде и звучит почти современно. Стих у Л. Гинзбурга крепок, точные рифмы почти шегольски подчеркивают изящество и четкость ритмического рисунка. В этом-то и состоит мастерство переводчика: за кулисами остается большая и кропотливая филологическая работа, изучение текстов в разных вариантах — латинском и средневерхненемецком, что видно из обстоятельной вступительной статьи автора перевода. С большой и естественной радостью читаешь страницу за страницей эту удивительную книжку. Вот в нескольких строфах нарисован портрет бездомного ваганта:

Я — кочующий школяр...
 На меня судьбина
 свой обрушила удар,
 что твоя дубина.
 Не для суетной тщеты,
 не для развлечения —
 из-за горькой нищеты
 бросил я ученье.
 На осеннем холоду,
 лихорадкой мучим,
 в драном плащике бреду
 под дождем колючим.
 В церковь хлынула толпа,
 долго длится месса,
 Только слушаю попа
 я без интереса.
 К милосердию аббат
 паству призывает,
 а его бездомный брат
 зябнет, изнывает.
 Подари, святой отец,
 мне свою сутану,
 и тогда я наконец
 мерзнуть перестану.
 А за душеньку твою
 я поставлю свечку,
 чтоб господь тебе в раю
 подыскал местечко.

Такая лаконичность вовсе не характерна для многословной книжной поэзии средних веков. Но народная песня всегда держится на одном дыхании, и связь вагантов с простыми людьми придает неповторимую расцветку их лирике, где сочетаются книжные элементы из греко-римских классиков с непосредственным ощущением действительности. Недаром юноша шваб опасается, как бы его не задушила схоластическая премудрость. Прощаясь с друзьями на родине, он уже мечтает о своем возвращении:

Всех вас вместе соберу,
 если на чужбине
 я случайно не помру
 от своей латыни,
 если не сведут с ума
 римляне и греки,
 сочинившие тома
 для библиотеки...

Существует большая филологическая литература на разных языках о поэзии вагантов и значении ее для последующих поколений. Ученые спорят об истоках поэзии вагантов, «макаронизме» их стиха, где латынь вливается в местные диалекты, образуя комическое целое. Л. Гинзбург приводит для примера стихотворение «Я скромной девушкой была...», где в переводной стих вкраплены латинские строки. Это лишнее доказательство бесспорного художественного чутья переводчика. Вчитываясь в лирику вагантов, все больше увлекаешься этим проявлением вечного торжества человеческой природы над мертвыми схемами религиозно-схоластических догм. И наконец, нельзя не отметить, что в помощь поэту-переводчику пришли искусство художника Г. Клодта и великолепное полиграфическое исполнение. Не только книголюбы будут искать эту изящную книжку. Она принесет радость нового открытия всем любителям мировой поэзии.

АЛЕКСАНДР ДЕЙЧ

*Издано
за рубежом*

ШАГ НАДЕЖДЫ

Nabile Farès. Jahia, pas de chance. Paris, Editions du Seuil, 1970.

Жабиль Фарэс — один из тех писателей Алжира, которые вместе со своей страной прошли трудный путь героической борьбы за ее свободу и утверждение суверенитета. Автор небольших рассказов, с которыми знакомят своих читателей алжирский еженедельник «Альжери актуальнэ» и выходящий в Париже журнал «Африк литтерэр э артистик», он недавно выпустил и первый роман — «Неудачник Яхья».

Книга Фарэса, человека, увлеченно изучающего кабилский фольклор и занимающегося исследованиями жизни кочевников-туарегов, продолжает традиции магрибского реалистического романа, который сформировался прежде всего как «роман воспитания». Показ становления личности, «испытания души» на фоне ярко выписанной жизни страны был характерен для магрибской прозы первой половины пятидесятых годов. Но от романов тех лет книга Фарэса отличается тем, что «воспитание чувств» алжирского юноши, а вернее приход к нему зрелости, происходит не в его родной стране, а в чужой, враждебной — во Франции, которая вела тогда свою последнюю кро-